Новый филологический вестник



№ 4(51)
2019

Москва 2019

DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00102

Е.В. Кузнецова (Москва)

МОТИВ «ПРОРОЧЕСТВА О НАШЕМ ДНЕ» В «МУЖСКОЙ» И «ЖЕНСКОЙ» ЛИРИКЕ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА
(Статья первая)[*]

Аннотация. Мотив пророчества – заметное явление поэзии Серебряного века, наполненной эсхатологическими предчувствиями. Он присутствует как в «мужской», так и в «женской» лирике. В статье анализируются образные и лексические переклички, а также устойчивость и вариативность в воплощении и интерпретации мотива пророчества о грядущем XX в. в стихотворных произведениях таких авторов, как К. Случевский, Д. Мережковский, А. Блок, М. Волошин, А. Белый, Е. Кузьмина-Караваева, Т. Вечорка, Черубина де Габриак (Е. Дмитриева), Н. Львова, С. Парнок. В первой части статьи выявляются характерные сквозные компоненты мотивного комплекса, общие для авторов-мужчин. От К. Случевского к поздней поэме Андрея Белого тянется цепочка устойчивых сюжетных узлов: образ Демона / Сатаны / Люцифера, аллюзии на «Откровение Иоанна Богослова», описание будущих ужасных катастроф и судьба человека и человечества. Случевский и Блок еще видят в человеке силу, способную предотвратить катастрофу; стихотворения Волошина революционных лет уже наполнены предчувствием смерти. На лексическом и стилистическом уровнях Белый собирает, аккумулирует и фиксирует элементы значимых для него предшествующих текстов, связанных с темой Апокалипсиса и пророчеством о XX в. Основное изменение, которое претерпевает данный мотив в его поэме «Первое свидание», наполненной рефлексией над эпохой модернизма, состоит в коренном пересмотре роли человека в грядущих мировых катаклизмах. Из активного и решающего участника (К. Случевский) он становится бессильным свидетелем, обреченным на гибель.

Ключевые слова: К. Случевский; Д. Мережковский; А. Блок; М. Волошин; А. Белый; мотив пророчества; образ Демона-Сатаны; Апокалипсис; «железный век».

E.V. Kuznetsova (Moscow)

The Motif of “Prophecy of Our Day” in the “Male” and “Female” Lyrics of Russian Modernism (Article I)[**]

Abstract. The motif of prophecy is a notable phenomenon of the Silver Age poetry, rich in eschatological premonitions. It occurs both in the so-called “male” and “female” lyrics. The specific figurative and lexical coincidences, stability and variability in the embodiment and interpretation of the motif of the prediction about of the coming 20th century are analyzed in the poetic works of such authors as K. Sluchevsky, D. Merezhkovsky, A. Blok, M. Voloshin, A. Bely, Y. Kuzmina-Karavaeva, T. Vechorka, Cherubina de Gabriak (E. Dmitrieva), N. Lvova, S. Parnok. The first article reveals the characteristic crosscutting components of the motivic complex common to male authors. There is a chain of sustainable plot nodes which stretches from K. Sluchevsky to later poems of Andrei Bely: the image of the Demon / Satan / Lucifer, allusions to “Revelation”, a description of approaching catastrophe and the fate of man and mankind. Sluchevsky and Blok still see in man the power to prevent the catastrophe, the poems by Voloshin (1917) are already filled with the foreboding of death. On the lexical and stylistic levels, Bely collects, accumulates and records the significant elements of previous texts dealing with the theme of Apocalypse and the prophecy of the 20th century. This motif undergoes the main change in his poem “The First Date”, full of reflections over the era of modernism, and it is a fundamental review of the role of man in the approaching world cataclysm. Instead of being an active and decisive participant, K. Sluchevsky becomes a powerless witness, condemned to death.

Key words: K. Sluchevsky; D. Merezhkovsky; A. Blok; M. Voloshin; A. Bely; the motif the prediction; the image of the Demon-Satan; the Apocalypse; the “iron age”.

Мотив пророчества является заметным феноменом в поэзии Серебряного века, наполненной эсхатологическими предчувствиями. Словами Александра Блока этот образно-семантический комплекс можно назвать мотивом «пророчества о нашем дне», так как касается он не столько будущего, сколько настоящего, дня сегодняшнего, в котором авторы усматривают воплощение давно предвиденных ужасных событий. Тем не менее разговор о том, что уже происходит, облекается в форму предсказания, сохраняя эффект воздействия на читателя, накопленный этим художественным литературно-риторическим приемом, берущим свое начало еще в древнейших литературных текстах.

В произведениях разных поэтов Серебряного века присутствуют как переклички, так и индивидуально-авторские вариации данного мотива. Интересно также проанализировать общие черты и различия его проявлений в «женской» лирике начала XX в. по сравнению с произведениями авторов-мужчин. Драматическая мистерия «Элоа» К. Случевского, некоторые поэтические произведения Д. Мережковского, незавершенная поэма «Возмездие» и лирика А. Блока, стихотворения М. Волошина и поэма «Первое свидание» Андрея Белого объединяются общим апокалиптическим настроением, связанным с ощущением грядущей или уже свершившейся катастрофы, всемирной или национально-исторической. Во многом это было предчувствие (а в случае с Волошиным и Белым – уже и осмысление) событий революционного 1917 г.

Обратимся к драматической поэме «Элоа» (авторское определение жанра – мистерия), вышедшей в первом издании 1883 г. и представляющей собой одну из вариаций демонологического мифа о любви Дьявола к прекрасному ангелу. Заключительная часть мистерии, последний монолог

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН

** The work was done at IWL RAS with the support of the grant of the Russian Science Foundation (project number 19-78-10100)

разозленного и потерпевшего неудачу в любви Сатаны, является одной из отправных точек для формирования обозначенного в заглавии статьи мотива. Страшным и во многом сбывшимся пророчеством звучат его слова:

Вперед! И **этот век проклятий**,
Что на земле идет теперь, –
Тишайшим веком добрых братий
Почтет **грядущий полузверь**!
В умах людских, как язвы вскрытых,
Легенды быль перерастут,
И по церквам **царей убитых**
Виденья в полночи пойдут!
Смех… стоны… муки… им в насмешку,
Вовек!.. Пока, перед концом,
Я, с трубным гласом вперемежку,
Вдруг разыграюсь трепаком
И под сильнейшие аккорды
Людскую тлю пошлю на **суд**, –
Пускай **воскреснут эти морды**,
А там, пока что разберут,
Вперед!
[Случевский 2004, 382]

Самые первые строки задают сравнение двух веков: текущего и грядущего, более страшного и жестокого. Облик разгневанного Сатаны, а также образы «грядущего полузверя», «трубного гласа», «стонов», «муки», «воскресших морд» и «суда» отсылают к картинам и идеям новозаветного Апокалипсиса: «Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя ***громкий голос***, как бы ***трубный***, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний. <…> И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было ***судить***, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились ***зверю*** <…>» (выделение по тексту мое – *Е.К.*) [Библия 2010, 460–464]. Очевидно, что Случевский перенес в поэму мотив Страшного суда, возникший ранее еще в заключительных строках его стихотворения «Воплощение зла» (1880). Мы видим, как сквозь все культурные напластования поэт в своей трактовке демонологического мифа оказывается близок все же к новозаветной христианской идее: добро и зло – несоединимые полюса, ведущие вечную борьбу, которая будет только усиливаться со временем, пока не выльется в последнюю схватку Апокалипсиса (подробнее о воплощении в поэме «Элоа» демонологического мифа см.: [Кузнецова 2016, 61–77]).

Современникам Случевского его произведение показалось весьма странным, кощунственным и эпатажным. Сатану в русле лермонтовской традиции сочли альтер-эго автора, а все его еретические высказывания о двойственной, амбивалентной природе добра и зла – точкой зрения самого

Случевского. Так, В. Брюсов приписывал автору слова из последнего монолога Сатаны и видел в этом только «проклятие современности», которая чем-то не угодила поэту [Брюсов 1987, 257], хотя в целом символисты восторженно приняли поэму (подробнее о рецепции мистерии Случевского см.: [Смородинская 2008, 65]).

В христианский сюжет о последней битве Бога и Дьявола Случевский вносит свои идеи, относящиеся, прежде всего, к роли ***человека*** в войне между добром и злом, о которой в Новом Завете не сказано ни слова. Точнее, люди там представлены как пассивное начало, над ними вершат суд, а победа Христа предопределена и не зависит от меры человеческих грехов. По Случевскому же, человек не только не может уклониться от этой борьбы, напротив, ***он – самое важное звено***. Эта мысль звучит в другом монологе Сатаны:

<…> Переливаясь между тех миров,
И был начертан дальний путь развитья:
Чрез мысль – в бессмертье, и тогда-то нам –
И мне, и богу – человек стал нужен:
Он за кого – тот победит из нас.
[Случевский 2004, 586]

Невозможность Дьявола через любовь вернуться к Богу делает неизбежным Страшный суд и возлагает на человека ответственность за его исход. Люди либо будут активно противостоять злу и тогда чаша весов склонится к победе добра, либо победят силы зла, и тогда всех растерзают «воскресшие морды». Итак, мотивный комплекс «пророчества о нашем дне» у Случевского состоит из следующих компонентов: образ Сатаны-Дьявола, аллюзии на «Откровение Иоанна Богослова», сравнение двух веков, предсказание грядущей катастрофы и образ человека, играющего решающую роль в последней борьбе Добра и Зла, Бога и Дьявола.

Нельзя утверждать, что Случевский впервые в литературе создает подобную контаминацию образов и мотивов. Безусловно, они являются частью культурного поля всей европейской литературы, и поэт ведет диалог с такими авторами как Данте, Мильтон, А. де Виньи, М. Лермонтов, Ф. Достоевский и др. В романе последнего «Братья Карамазовы», например, вечный вопрос о борьбе злого и доброго начала, Бога и Дьявола, перенесен в плоскость человеческой этики и ежедневного жизненного поведения. В душе каждого человека, а не на небесах, каждую минуту «Дьявол с Богом борется», и результатом их борьбы становится тот поступок, который совершает человек [Достоевский 1976, 100]. Но Случевский снова переводит эту проблему с уровня морали и этики на уровень метафизики: от выбора человека зависит исход Страшного суда. Позднее к этой идее вернется Н.А. Бердяев в статье «Откровение о человеке в творчестве Достоевского» (1918) [Бердяев 1990, 215–233].

Мистерия «Элоа» была внимательно прочитана символистами и в рус-

ской литературе обозначила мотив «пророчества о нашем дне» в ярком и концентрированном виде. По мнению Т. Смородинской, Случевский был близок символистам мистической направленностью своего творчества, проблематикой добра и зла, демоническими мотивами, всем тем, что не простила ему в начале 1860-х гг. революционно-демократическая критика, а Брюсов даже называл его своим учителем [Смородинская 2008, 200, 205]. Мэтр символизма в 1904 г. посвящает его творчеству статью «Поэт противоречий», в которой дает краткую интерпретацию «Элоа» [Брюсов 1987, 255–258]. К. Бальмонт в статье «Элементарные слова о символической поэзии» упоминает Случевского наряду с Тютчевым и Фетом в числе «трех выдающихся русских поэтов-символистов» и отмечает как самые значимые в его творчестве «замечательную» поэму «Элоа» и «все демонические стихотворения Случевского» [Бальмонт 1904, 83, 92]. Внимательно изучил творчество Случевского А. Белый, об этом свидетельствует, например, неоднократное обращение к примерам его поэзии в его стиховедческих работах «Опыт характеристики русского четырехстопного ямба» и «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре» [Белый 2010, 215–294]. Как справедливо указала Е.А. Тахо-Годи, высоко ценил поэзию Случевского и всячески отстаивал его самобытное дарование Вяч. Иванов, который поместил стихотворение «Тени Случевского» в сборнике «Cor Ardens» [Тахо-Годи 2000, 382–383].

Влияние Случевского можно обнаружить и в творчестве А. Блока, который был достаточно хорошо знаком с поэзией старшего современника. Пересечение мотивов и образов некоторых стихотворений Случевского и Блока уже привлекало к себе внимание ряда исследователей ([Чижевский 1963, 85–97], [Мадигожина 1985; 94–104], [Тагер 1980, 85–97], [Тимофеев 1980, 47–62], [Слободнюк 2015, 252–259]), но перекличка между поэмами «Возмездие» и «Элоа», насколько нам известно, еще не отмечалась, однако именно в этой незавершенной поэме Блок развивает мотив «пророчества о нашем дне», обозначенный Случевским. Демонологический миф, ярко воплощенный в творчестве старшего современника, является также одним из лейтмотивов поэмы. Демоническая личность как литературный типаж проступает в психологическом портрете главного героя поэмы, прототипом которого явился отец Блока. Несмотря на сильное влияние лермонтовской и пушкинской традиций, нам представляется возможным говорить и о воздействии Случевского, особенно его цикла «Мефистофель», на образный и идейный слой поэмы. Ретрансляция мотива пророчества реализуется в сравнении двух веков, уходящего и нового, и в постановке вопроса о судьбе человека в грядущих катаклизмах. Приведем отрывок из поэмы:

Век девятнадцатый, **железный**,
Воистину **жестокий век**!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек! <…>
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И **ангел** сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас; <…>
Двадцатый век… Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(**Пророчества о нашем дне**),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине…
[Блок 1999, 24–25]

Образ «отлетевшего ангела» в этом отрывке коррелирует с образом Элоа, также улетевшей прочь от Сатаны, «тень Люциферова крыла» указывает на него самого. Но «ангел священной брани», «тень Люциферова крыла» и «пожары дымные заката» являются возможными аллюзиями на «Откровение Иоанна Богослова», что уже было отмечено исследователями [Ревякина, Магомедова, Соболев 1999, 408–409, 418]. Оба поэта обращаются в своих размышлениях о судьбе мира к сравнению двух столетий: девятнадцатого и двадцатого. Оба сходятся в том, что «железный» девятнадцатый век – это еще время «вегетарианское», выражаясь словами А. Ахматовой, по сравнению с наступающим двадцатым. И старший и младший свидетели «конца века» встревожены грозными предзнаменованиями: Случевский пророчествами Иоанна Богослова, а Блок – явлением знаменитой кометы Галлея, породившей особенно яркие закаты в 1910 г. Но у Блока уже нет надежды на силу человека, он «беспечно брошен» в круговорот событий, который разрешится помимо его воли, и оставлен без божественной поддержки, потому что ангел-защитник «отлетел прочь». Поэт передает свое ощущение тревоги от предвестников все приближающего Люцифера, который принесет с собой возмездие (источники мотива «возмездия», тесно взаимосвязанного с мотивом «пророчества» в творчестве А. Блока, рассмотрены в работах ряда исследователей: [Долгополов 1964], [Тагер 1980, 85–97], [Магомедова 1997, 52–63], [Дорничева 2009, 9–16]), но поэма все же завершается робкой надеждой.

Показательно, что именно в 1910 г., когда уже начинается мысленная работа над «Возмездием», Блок создает стихотворение, ярко воплощающее в себе мотивы «пророчества о нашем дне» и неминуемого «возмездия», и также перекликающееся идейно с заключительным монологом Сатаны в «Элоа». Но с мистерией Случевского оно оказывается связано еще и своей формой, так как написано в виде сольной партии из какого-то неназванного, драматического произведения и называется «Голос из хора». Напомним, что в «Элоа» тоже присутствует «Хор только что умерших» как действующее лицо, только песни этого хора полны надежды на обретение

света и рая, а у Блока звучат совсем иные интонации:

Как часто плачем – вы и я –
Над жалкой жизнию своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней! <…>

Лжи и коварству меры нет,
А смерть – далека.
Все будет чернее страшный свет,
И все безумней вихрь планет
Еще века, века!

И **век последний**, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...
[Блок 1997, 39]

Примечательно, что стихотворение «Голос из хора» открывало блоковский сборник «Седое утро. Стихотворения», выпущенный в 1920 г. издательством «Алконост». Вероятно, оно было представлено самим Блоком в этом собрании и воспринято его современниками как пророческое и актуальное именно для сегодняшнего дня. Двойная дата, 1910–1914 гг., подчеркивала раннее возникновение предчувствия грядущих социально-исторических потрясений. Критик Э. Голлербах писал по поводу этого сборника: «Многое в этих стихах открывается ныне как *пророчество* (курсив мой – *Е.К.*). Таково первое стихотворение сборника “Голос из хора”, потрясающее теперь больше, чем когда-либо» [Голлербах 1920, 10]. Именно после выхода этого сборника Блока стали воспринимать как поэта-пророка. Именно в таком ключе пишет о нем, например, А. Левинсон в 1921 г. [Левинсон 1921, 44].

Не менее интересно и то, что в ранее составленном самим Блоком сборнике «Страшный мир» «Голос из хора» следует прямо за стихотворением «Демон», что представляется неслучайным и может также указывать на глубинную ассоциативную связь с демоническими произведениями не только Лермонтова, но и Случевского. В блоковском «Демоне» разворачивается монолог «падшего ангела», обращенный к неназванной возлюбленной, который коррелирует с любовными монологами Сатаны в драматической поэме «Элоа». В сочетании со стихотворением «Голос из хора» «Демон» образует диптих, в котором соединяются любовная, демоническая и пророческая темы, актуальные для мистерии старшего современника. По свидетельству Л.К. Чуковской, Ахматова почувствовала в поэме Блока сходство с поэтической манерой Случевского и критически отзывалась о

первой главе следующем образом: «Встреча войск – так и Случевский мог написать…» [Чуковская 1997, 392].

Представление о «железном веке», отраженное в «Возмездии», могло быть актуализировано в сознании Блока также стихами Д. Мережковского из поэмы «Смерть» 1890–1891 гг.:

<…> Теперь совсем иной время:
Поэтов ветреное племя
Железный век поработил…
[Мережковский 2000, 214]

Данные строки осмыслялись младосимволистами не столько в плане утраты поэтической свободы и радости бытия, свойственной прежним поэтам, сколько в аспекте все усиливающегося давления эпохи, движущейся к катастрофе. Привлекает внимание и другой отрывок из поэмы Мережковского, представляющий собой пророчество и созвучный, как нам кажется, мировоззрению Блока:

О Смерть, тебя пою! Ликует
Мучитель слабых; бич – в руках.
А жертва плачет и тоскует:
И люди мнят: на небесах –
Возмездья нет. Но ты предстанешь,
Освободительница, взглянешь
Ты **в час возмездья роковой**
Злодею в очи строгим взором, –
И как он жалок пред тобой,
Как полон страхом и позором!
[Мережковский 2000, 245]

В этой строфе Мережковский говорит о возмездии как о справедливом воздаянии, награде страждущим за их муки, имплицитно обращаясь к центральному сюжету «Откровения Иоанна Богослова» о победе Жены, облеченной в солнце, над Сатаной-Змием. В других строфах, завершающих поэму, звучат уже более трагические ноты: пророчество о гибели всего рода или поколения «конца века», которое представляет собой жертвенное искупление:

О **век** могучий, век суровый
Железа, денег и машин,
Твой дух промышленно-торговый
Царит, как полный властелин. <…>
«Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri!». Весь наш **род**,
Как на арене гладиатор,

Пред **новым веком** смерти ждет.
Мы гибнем жертвой **искупленья**.
[Мережковский 2000, 248–251]

«Смерть», с подзаголовком «Петербургская поэма», была, скорее всего, актуальна для блоковского понимания возмездия, поскольку поэт видел в нем также кару, заслуженное, но гибельное искупление. Об этом свидетельствует не только идейная общность, но и текстуальные переклички: мифологема «железного века», сравнение двух столетий, аллюзии на Апокалипсис.

Итак, тема последнего, самого ужасного века является общей для поэм «Возмездие», «Смерть», стихотворения «Голос из хора» и мистерии «Элоа». В «Комментариях» к поэме «Возмездие» в составе «Полного собрания сочинений и писем» А. Блока в 20 томах поэма «Смерть» Мережковского упоминается в связи с концептом «железный век», но параллели поэмы Блока с другими частями и мотивами этого произведения Мережковского, прежде всего мотивами возмездия-искупления и пророчества, не очерчиваются [Ревякина, Магомедова, Соболев 1999, 417]. В предисловии к «Возмездию», написанному уже в 1919 г., Блок вспоминает 1910–1911 гг. и очерчивает круг своих «революционных предчувствий»: «Уже был ощутим запах ***гари, железа и крови***» [Блок 1999, 48], – выдвигая на первый план именно провиденциальную составляющую своего произведения. Вступление к первой главе блоковской поэмы развивает мотивы и образы, конспективно обозначенные ранее в заключительном монологе Сатаны из мистерии Случевского «Элоа», а именно: мотив неотвратимого возмездия, сравнение двух веков, XIX и XX, при этом новый век характеризуется как более страшный и жестокий по отношению к человеку, аллюзии на «Откровение Иоанна Богослова», образ Демона / Дьявола / Сатаны.

В лирике Волошина события революционного 1917 г. находят отражение также через обращение к форме пророчества. Еще в 1915 г. в стихотворении «Ропшин», посвященном революционеру Б.В. Савинкову, появляется образ «железного века», формирующего и предопределяющего человеческую личность. Наиболее показательно в этом плане волошинское стихотворение «Трихины» (1917), в котором поэт рисует картины поистине библейских катаклизмов и апеллирует к духовному наследию и авторитету Достоевского, утвердившемуся к этому времени в качестве писателя-пророка, о чем свидетельствует, например, статья Д. Мережковского «Пророк русской революции» (1906):

«Появились новые трихины»…
Ф. Достоевский

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.

Ремесла, земледелие, машины

Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут – **мор, голод и война**.

Ваятель душ, воззвавший к жизни племя
Страстных глубин, **провидел наше время**.
Пророчественною тоской объят,

Ты говорил, томимый нашей жаждой,
Что **мир спасется красотой**, что каждый
За всех во всем пред всеми виноват.
[Волошин 2003, I, 255]

Образ трихин, вселяющихся в людей, восходит к образам и проблематике сна Раскольникова из романа Достоевского «Преступление и наказание». Этот факт справедливо отмечает С.А. Кибальник, указывая на полицитатность анализируемого стихотворения [Кибальник 2017], так как помимо Достоевского «Трихины» содержат сознательные переклички с «Откровением Иоанна Богослова» в строке «Казнят и жгут – **мор, голод и война**», что отмечено также в комментариях к данному произведению: «Ср. в пророчестве св. Иоанна о “коне блед”: “Дана ему власть <…> дана ему власть умерщвлять мечом, и **голодом и мором**, и зверями земными (выделение по тексту мое – *Е.К.*)» [Волошин 2003, I, 524]. Отсылки к «Откровению» выявляют также М.О. Баруткина и М.В. Яковлев [Баруткина 2014; Яковлев 2013]. Библейские аллюзии, мотив бесовства, который можно рассматривать как крайнюю социально-негативную вариацию демонических мотивов, значимых еще для Случевского и Блока, картины свершающегося на глазах автора и читателя Апокалипсиса, идея вины и ответственности человека за происходящее на земле роднят это стихотворение Волошина с рассмотренными ранее произведениями. В «Трихинах» поэт не только подчеркнул пророческую природу творчества своего гениального предшественника, но и сам выступил в качестве пророка.

Поэма Андрея Белого «Первое свидание» создана позднее, в основном, летом 1921 г., и также осмысляет как революционные события 1917 г., так и тенденции в духовной, социальной и культурной жизни России предшествующих лет. Это произведение пронизано пророческими интонациями, и в нем можно выделить отдельные отрывки, которые соответствуют сюжетным узлам рассматриваемого мотивного комплекса: описание свершившегося Страшного суда и предсказание грядущих катаклизмов. Помимо этого, в разных частях текста встречаются отдельные лексемы и образы, которые, собранные вместе, вписываются в мотив «пророчества о нашем дне», наблюдаемый у вышеназванных поэтов: неоднократное упо-

минание Иоанна Богослова, образ Дьявола (Мефистофеля, Змея), апокалиптические картины (атомный взрыв, например), имплицитное сравнение старого и нового века, проходящее через всю поэму, и образ человека, чья судьба решится в неминуемых мировых потрясениях. Приведем соответствующие строки:

Ты в слове Слова – **богослов**:
О, осиянная Осанна
Матфея, Марка, **Иоанна** –
Язык!.. Запрядай: тайной слов! <…>

Проходит за городом: лес
Качнется в небе бирюзовом;
Проснется зов: «Воанергес!»
Пахнёт: **Иоанном Богословом**…
[Белый 2006, 27]

В первом случае словосочетание «Иоанн Богослов» зашифровано в игре слов, но все же прочитывается, а во втором − заявлено прямо. В следующем отрывке отчетливо звучит мысль, что все величие человека, «сына эфира», его разума, его воли может рухнуть в новом атомном веке в гибельную бездну:

Что мысль, как динамит, летит
Смелей, прикидчивей и прытче,
Что опыт – новый...

– «**Мир – взлетит!**» –
Сказал, взрываясь, Фридрих Нитче...

Мир – рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшею бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой;
Я – сын эфира. Человек, –
Свиваю со стези надмирной
Своей порфирою эфирной
За миром мир, за веком век.
Из непотухнувшего гула
Взметая брызги, взвой огня,
Волною музыки меня
Стихия жизни оплеснула:
Из летаргического сна
В **разрыв трагической культуры**,
Где **бездна гибельна** (без дна!)

Я, ахнув, **рухнул в сумрак хмурый**…
[Белый 2006, 31–32]

Еще один отрывок сплетает воедино разные наименования и лики Дьявола-Сатаны, олицетворяющего собой мировое зло:

Он – тот, который есть не он,
Кому **названье легион**:
Двоякий, многоякий, всякий
Иль просто окончанье, «ий»,
Виющийся, **старинный змий**, –
В свои затягивает хмури,
Свои протягивает дури:
Он – пепелеющая лень
И – тяготеющая тень;
Как Мефистофель, всем постылый,
Упорным профилем, **как черт**, –
Рассудок, комик свинорылый:
К валторне черной он простерт…
[Белый 2006, 49]

Белый в этом произведении и вспоминает прошлое (дореволюционную Москву, философские споры, театральную жизнь, свою юность) и пророчествует о будущем. Если Апокалипсис и не грянул на всей земле, то мир старой царской России, который иронично, но все же любовно описывает поэт, канул в небытие. В другом произведении – поэме «Христос воскрес» (1918) – символика и отдельные сюжеты новозаветного «Откровения» представлены даже масштабнее: образы «змия», которого побеждает «Жена, облеченная в Солнце», картины Страшного суда, козни Сатаны. Но «Христос воскрес» завершается на мажорной ноте, ощущения обреченности человека в «мировой мистерии», свершающейся на земле, еще нет.

Следует отметить, что мотив пророчества, связанный с ощущением неминуемой катастрофы, присутствует в творчестве Белого, начиная с его самых первых произведений. Но до начала 1920-х гг. он окрашен надеждой на обновление, а после нарастает ощущение гибели (тема Апокалипсиса и образы «Откровения Иоанна Богослова» в творчестве Белого подробно рассмотрены в монографии: [Яковлев 2013]). Писатель неоднократно размышлял о воплощении темы конца света в русской поэзии, например, в статье «Апокалипсис в русской поэзии». Но следует все же отделять мотив «светлого Апокалипсиса», ожидание которого связывалось с пришествием Софии, от мотива «пророчества о нашем дне», гораздо более мрачного и во многом восходящего к мифу о «железном веке» и к представлению о том, что человечество неминуемо движется к своему закату.

Восприятие свершившейся революции сквозь призму библейского Апокалипсиса было свойственно не только Белому, но в той или иной мере

многим деятелям искусства и культуры модернизма: А. Блоку, Д. Мережковскому, З. Гиппиус, М. Волошину и др. Образы к которым прибегает поэт в «Первом свидании» также принадлежат общему символическому художественному «арсеналу» эпохи. Воплощая в «Первом свидании» мотив «пророчества о нашем дне», Белый ведет диалог с Иоанном Богословом, В. Соловьевым, Г. Ибсеном, Ф. Ницше, Ф. Достоевским и др. Творчество Достоевского, во многом усвоенное через Соловьева, было для младосимволистов не менее важно, чем для их старшего современника Случевского. Они воспринимали его как провидца и пророка, предчувствовавшего судьбу России и всего человечества. Особенно важным представлялась его интерпретация видения Иоанна Богослова о Жене, облеченной в солнце и рожающей в муках дитя, актуализированная в «Трех речах в память Достоевского» Соловьева: «<…> Жена – это Россия, а рождаемое ею есть то новое Слово, которое Россия должна сказать миру» [Соловьев 1991, 259].

Актуальными претекстами для «Первого свидания» Белого представляются поэма Блока «Возмездие» и его стихотворение «Голос из хора». Два издания блоковской поэмы, 1917 и 1919 гг., послужили ее восприятию как произведения, связанного с революцией, с самыми острыми вопросами современности. В 1920–1921 гг. Блок неоднократно выступает с чтением отдельных глав поэмы на литературных вечерах в Москве и Петербурге. Поэтому ко времени работы Белого над «Первым свиданием» «Возмездие» было для него свежим, своевременным и остросоциальным текстом. В «Комментариях» к поэме справедливо отмечено, что мотив возмездия в апокалиптическом аспекте разрабатывается в творчестве Андрея Белого и Вяч. Иванова, хотя конкретно поэма «Первое свидание» не упоминается [Ревякина, Магомедова, Соболев 1999, 409]. С творчеством Случевского Белый был также хорошо знаком и неоднократно упоминал его в своих стиховедческих работах, о чем мы уже писали выше.

Анализируя «Первое свидание», нельзя найти какие-либо прямые словесные переклички с Блоком или Случевским, потому что автор уже опирается на весь литературный дискурс своей эпохи, он работает с ним по принципу «языковых идиом», как он сам его определяет в начале поэмы, и именно таким монтажным и полифоническим способом создает свой текст. Интерес представляет в данном случае уже сама память поэтического языка, художественного слова, отчасти бессознательная, которая снова актуализирует и фиксирует мотив «пророчества о нашем дне», сохраняя его основные атрибуты: образ Демона / Сатаны / Люцифера, аллюзии на «Откровение Иоанна Богослова», предсказание грядущих катастроф мирового масштаба. Сама поэма утрачивает фабульность, композиционную строгость. «Первое свидание» превращается в поток образов и воспоминаний, устойчивых поэтизмов, выработанных в практике символизма, и лексических примет нового, постреволюционного времени. Белый будто стремится растворить реальность в словесной ткани. Это обозначено как художественный принцип самим автором во вступлении к тексту, который представляет собой идейную и образную квинтэссенцию мистического

дискурса «эпохи зорь» начала 1900-х гг. и все более настойчиво звучащего научно-машинного дискурса 1920-х гг. нового «атомного» века. Нарушение гармонии на уровне картины мира отражается в усложненной, хаотичной стилистике всей поэмы.

Итак, наблюдаемые переклички рассмотренных поэтических произведений во многом порождены общей культурной средой и историческим моментом, но, тем не менее, представляются проявлением «памяти литературы», устойчивости поэтического языка, сохранности узловых элементов мотивного комплекса пророчества. Но не менее интересна и трансформация означенного мотива. Случевский, несмотря на апокалиптические настроения «конца века», остается все же представителем позитивистского XIX столетия, верящим в силу и значимость человеческой личности и индивидуального выбора. Поэме Блока свойственны трагические предчувствия, выражаемые в лексемах угасания, болезни, надлома, но еще теплится робкая надежда, что эти предчувствия обманут. Волошин, констатируя вершащийся на его глазах конец света, еще слабо уповает на спасение красотой, предсказанное Достоевским. Белый уже выражает настроения «зрелого» XX в.: экзистенциальную обреченность человека, невзирая на то, что он «сын эфира». Если и не все люди на земле, то человек-творец, познавший «разрыв трагический культуры», непременно «рухнет в бездну».

Таким образом, под влиянием ощущения кризиса «конца века» в 80-е гг. XIX столетия Случевский в концентрированном сообщении воплощает мотив апокалиптического «пророчества о нашем дне» и вкладывает его в уста Сатаны. Блок развивает этот мотив, а Демон-Люцифер с уровня персонажей перемещается на уровень сквозных образов поэмы. Волошин и Белый под влиянием произошедших исторических событий (Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война) демонстрируют уже реализацию «пророчества о нашем дне». Торжество дисгармонии нового века над гармонией прошедшего воплощается в «Перовом свидании» не только в конкретных отрывках, которые мы процитировали, в сквозных темах и мотивах, но и в сложной, контрапунктной композиции и стилистике поэмы, в игре «языковыми идиомами», несущими семантику гибели, падения, бездны, разрушения. С другой стороны, на лексическом и стилистическом уровнях Белый собирает, аккумулирует и фиксирует элементы значимых для него предшествующих текстов, связанных с темой Апокалипсиса и пророчеством о XX в. Исповедальный, личный и автобиографический текст становится насыщенно интертекстуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К. Горные вершины. Сборник статей. М., 1904.

2. Баруткина М.О. Книга «Откровение Иоанна Богослова» в творческом диалоге Волошин – Достоевский // Уральский филологический вестник. 2014. № 5. С. 56–67.

3. Белый А. Апокалипсис в русской поэзии // Белый А. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М., 2012. С. 478–491.

4. Белый А. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 5. М., 2010.

5. Белый А. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 2. СПб; М., 2006.

6. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. Сборник статей. М., 1990. С. 215–233.

7. Библия в гравюрах Гюстава Доре с библейскими текстами по синодальному переводу. М., 2010.

8. Блок А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3. М., 1997.

9. Блок А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 5. М., 1999.

10. Брюсов В.Я. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987.

11. Волошин М. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. М., 2003.

12. Голлербах Э. Рецензия на сборник А. Блока «Седое утро» // Вестник литературы. 1920. № 12. С. 10.

13. Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX века. М; Л., 1964.

14. Дорничева Д.В. О происхождении и эволюции идеи возмездия в поэтическом сознании А. Блока // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2009. Вып. 1. Часть 1. С. 9–16.

15. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. Л., 1976.

16. Кибальник С.А. Достоевский в круге чтения и художественных трансформациях М.А. Волошина (на примере сонета «Трихины») // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма). СПб., 2017. С. 81–89.

17. Кузнецова Е.В. Поэма К. Случевского «Элоа» в контексте демонологического мифа // Новый филологический вестник. 2016. № 2. С. 61–77.

18. Левинсон А. Незрячий пророк: Новые книги Блока // Жар-птица. 1921. № 1. С. 43–44.

19. Магомедова Д.М. Проблема возмездия в творчестве Вяч. Иванова и Ал. Блока // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве Ал. Блока. М., 1997. С. 52–63.

20. Мадигожина Н.В. К. Случевский и А. Блок (к постановке вопроса) // Проблема преемственности в литературном процессе. Алма-Ата, 1985. С. 96–104.

21. Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000.

22. Ревякина И.А., Магомедова Д.М., Соболев Л.И. «Возмездие». Комментарии // Блок А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 5. М., 1999. С. 381–461.

23. Слободнюк С.Л. Апокалиптика русской литературы: К. Случевский и А. Блок // Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность. Материалы международной научно-практической конференции «IV Пюхтицкие чтения». СПб., 2015. С. 252–259.

24. Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. СПб., 2004.

25. Смородинская Т. Константин Случевский. Несвоевременный поэт. СПб., 2008.

26. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.

27. Тагер Е.Б. Мотивы «возмездия» и «страшного мира» в лирике А. Блока // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. С. 85–97.

28. Тахо-Годи Е.А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000.

29. Тимофеев Л.И. Наследие Блока // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. С. 47–62.

30. Чижевский Д. «Стихотворения и поэмы» К.К. Случевского. Новое издание // Новый журнал. 1963. № 74. С. 85–97.

31. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 1. М., 1997.

32. Яковлев М.В. Религиозное откровение в поэзии А. Белого. Орехово-Зуево, 2013.

33. Яковлев М.В. Религиозное откровение в поэзии А. Блока и М. Волошина. Орехова-Зуево, 2013.

REFERENCES
(Articles from Scientific Journals)

1. Chizhevskiy D. “Stikhotvoreniya i poemy” K.K. Sluchevskogo. Novoye izdaniye [“Verses and Poems” by K.K. Sluchevsky. New Edition]. *Novyy zhurnal / The New Review*, 1963, no. 74, pp. 85–97. (In Russian).

2. Barutkina M.O. Kniga “Otkroveniye Ioanna Bogoslova” v tvorcheskom dialoge Voloshin – Dostoevskiy [The Book “Revelation of John the Theologian” in the Creative Dialogue between Voloshin and Dostoevsky]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik*, 2014, no. 5. pp. 56–67. (In Russian).

2. Dornicheva D.V. O proiskhozhdenii i evolyutsii idei vozmezdiya v poeticheskom soznanii A. Bloka [On the Origin and Evolution of the Idea of Retribution in the Poetic Consciousness of A. Blok]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 9*, 2009, no. 1, part 1, pp. 9–16. (In Russian).

3. Kuznetsova E.V. Poema K. Sluchevskogo “Eloa” v kontekste demonologicheskogo mifa [K. Sluchevsky’s Poem “Eloa” in the Context of Demonological Myth]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2016, no. 2, pp. 61–77. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Berdyayev N.A. Otkroveniye o cheloveke v tvorchestve Dostoyevskogo [Revelation about Man in the Works of Dostoevsky]. *O Dostoyevskom. Tvorchestvo Dostoyevskogo v russkoy mysli 1881–1931 godov. Sbornik statey* [About Dostoevsky. Works by Dostoevsky in the Russian Thought of 1881-1931 Years. Collected Papers]. Moscow, 1990, pp. 215–233 (In Russian).

5. Kibal’nik S.A. Dostoyevskiy v kruge chteniya i khudozhestvennykh transformatsiyakh M.A. Voloshina (na primere soneta “Trikhiny”) [Dostoyevsky in Terms of Reading Circle and Artistic Transformations of M.A. Voloshin (on the Example of the Sonnet “Trichina”)]. *Chto i kak chitali russkiye klassiki? (Ot kruga chteniya k strategiyam pis’ma)*. [What and How Did Russian Classics Read? (From Reading Circle to Writing Strategies)]. Saint-Petersburg, 2017. pp. 81–89. (In Russian).

6. Madigozhina N.V. K. Sluchevskiy i A. Blok (k postanovke voprosa) [K. Sluchevsky and A. Blok (Introducing the Subject)]. *Problema preyemstvennosti v literaturnom protsesse* [The Problem of Continuity in Literary Process]. Alma-Ata, 1985, pp. 96–104. (In Russian).

7. Magomedova D.M. Problema vozmezdiya v tvorchestve Vyach. Ivanova i Al. Bloka [The Problem of Retribution in the Works of Viach. Ivanov and Al. Blok]. *Magomedova D.M. Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve Al. Bloka* [Autobiographical Myth in the Works of Al. Blok]. Moscow, 1997, pp. 52–63. (In Russian).

8. Revyakina I.A., Magomedova D.M., Sobolev L.I. "Vozmezdiye". Kommentarii ["Retaliation". Comments]. *Blok A. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]: in 20 vols. Vol. 5. Moscow, 1999, pp. 381–461. (In Russian).

9. Slobodnyuk S.L. Apokaliptika russkoy literatury: K. Sluchevskiy i A. Blok [Apocalyptics of Russian Literature: K. Sluchevsky and A. Blok]. *Istoriko-kul'turnoye i dukhovnoye naslediye: traditsii i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "IV Pyukhtitskiye chteniya"* [Historical, Cultural and Spiritual Heritage: Traditions and Modernity. Materials of the International Scientific-Practical Conference "Pyukhtitsa Readings vol. IV"]. Saint-Petersburg, 2015, pp. 252–259. (In Russian).

10. Tager E.B. Motivy "vozmezdiya" i "strashnogo mira" v lirike A. Bloka [The Motifs of "Revenge" and "Frightening World" in the Lyrics of the A. Blok]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Book 1. Vol. 92. Moscow, 1980, pp. 85–97. (In Russian).

11. Timofeyev L.I. Naslediye Bloka [Blok's Heritage]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Book 1. Vol. 92. Moscow, 1980, pp. 47–62. (In Russian).

(Monographs)

12. Dolgopolov L.K. *Poemy Bloka i russkaya poema kontsa XIX – nachala XX veka* [Poems of Blok and Russian Poem of the late 19th – early 20th Century]. Moscow; Leningrad. 1964. (In Russian).

13. Smorodinskaya T. *Konstantin Sluchevskiy. Nesvoyevremennyy poet* [Konstantin Sluchevsky. The Poet Out of Time]. Saint-Petersburg, 2008. (In Russian).

14. Takho-Godi E.A. *Konstantin Sluchevskiy. Portret na pushkinskom fone* [Konstantin Sluchevsky. Portrait Against the Background of Pushkin]. Saint-Petersburg, 2000. (In Russian).

15. Yakovlev M.V. *Religioznoye otkroveniye v poezii A. Belogo* [Religious Revelations in the Poetry of A. Bely]. Orekhovo-Zuyevo, 2013. (In Russian).

16. Yakovlev M.V. *Religioznoye otkroveniye v poezii A. Bloka i M. Voloshina* [Religious Revelations in the Poetry of A. Blok and M. Voloshin]. Orekhovo-Zuyevo, 2013. (In Russian).

Кузнецова Екатерина Валентиновна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник. Область научных интересов: история русской литературы рубежа XIX – XX веков, культура Серебряного века, поэтика лирики, литературная пародия.

E-mail: katkuz1@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6045-2162

Ekaterina V. Kuznetsova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Candidate of Philology, Associate Researcher. Research interests: history of Russian literature at the turn of the 20th century, culture of the Silver Age, poetics of lyrics, literary parody.

E-mail: katkuz1@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6045-2162